

STUDIA BALKANICA **18**

2506

18

*A TRAVERS
LE DEVELOPPEMENT
CULTUREL
DES PEUPLES
BALKANIQUES
(XV – XX S.)*

ACADEMIE BULGARE DES SCIENCES

СЪДЪРЖАНИЕ

П. Диневков. Българо-гръцките литературни отношения в изследванията на проф. Йордан Иванов.	7
Н. Драгова. Пътуващата театрална трупа на Йоргу Караджале в живота на българската емиграция в Румъния.	13
Н. Данова. Към въпроса за ролята на гръцкото Просвещение в процеса на формирането на българската възрожденска идеология. Адамандиос Кораис и българите.	41
Б. Соколова. Професионална структура на албанската възрожденска интелигенция.	71
В. Димова. Някои общи и отличителни черти в развитието на южнославянските културни институции през Възраждането.	95
С. Великов. Българи — ученици във Великата народна школа в Цариград.	121
* * *	
В. Тъпкова-Занимова, П. Бойчева. Към въпроса за хронографията в средновековна България и в двете Дунавски княжества.	134
Б. Велчева. За езика на българската книжнина от XV до XVIII в.	142
В. Алексова. Към въпроса за българското книжовно езиково влияние върху румънския език.	152
* * *	
М. Жечев. Реализмът в творчеството на Костас Варналис.	161
Л. Кирова. Към проблема за реализма в хърватската литература през XIX в.	186
Р. Станчева. За ролята на критика в междулитературното общуване. Е. Ловинеску и румънската литература.	201
* * *	
М. Стайнова. Османска култова архитектура (XV—XVIII в.).	234
М. Харбова. Развитие на плановата и пространствената схема на османските култови сгради на Балканите (XV—XIX в.).	267

СОДЕРЖАНИЕ

П. Диневков. Болгаро-греческие литературные отношения в исследованиях проф. Йордана Иванова.	11
Н. Драгова. Бродячая театральная труппа Йоргу Караджале и ее место в жизни болгарской эмиграции в Румынии.	39
Н. Данова. К вопросу о роли греческого Просвещения в процессе формирования болгарской идеологии эпохи Возрождения. Адамандиос Кораис и болгары.	69
Б. Соколова. Профессиональная структура албанской интеллигенции эпохи Возрождения.	93

В. Димов. Некоторые общие и специфические черты в развитии южнославянских культурных институций в эпоху Возрождения.	119
С. Великов. Болгары — ученики Великой народной школы в Константинополе.	132
* * *	
В. Тъпкова-Займова, П. Бойчева. К вопросу о летописании в средневековой Болгарии и в двух Дунайских княжествах.	140
Б. Велчева. О языке болгарской литературы XV—XVIII вв.	150
В. Алексова. К вопросу о болгарском литературном языковом влиянии на румынский язык.	160
* * *	
М. Жечев. Реализм в творчестве Костаса Варналиса.	184
Л. Кирова. К проблеме реализма в хорватской литературе XIX в.	199
Р. Станчева. О роли критики в межлитературном общении. Е. Ловниеску и румынская литература.	232
* * *	
М. Стайнова. Османская культовая архитектура (XV—XVIII вв.).	254
М. Харбова. Развитие плановой и пространственной схемы османских культовых зданий на Балканах (XV—XIX вв.).	281

воѣ хрістіс); грѣцките житія на св. Иван Владимир от XVII в.; грѣцкото житие на св. Петка от XVII в. (отнася се за премнаването на познатото житие на св. Петка от Патриарх Евтимий у грѣците).

Изтъквайки тези важни моменти в българо-грѣцките културни отношения, Йордан Иванов не премълчава и трудностите в историческата съдба на българини и грѣци на Балканския полуостров. Това се отнася не само до борбата, която нашият народ води през Възраждането срещу политиката на Цариградската патриаршия и фанариотското духовенство, но и за новото време — тежките последици от Балканската, Междусъюзническата и Първата световна война за българското население в Македония и Тракия. Въз основа на многобройни факти и документи проф. Йордан Иванов изнася истината пред европейската общественост⁸.

Българският учен дава пример за внимателно вникване в отношенията между българската и грѣцката литература, за старателно събиране на факти, за сравнително проучване на развитието на две съседни култури, за обективно търсене на историческата истина. Като литературен историк той е убеден, че нито една национална литература не се развива изолирано от другите литератури, че нейното развитие е част от един общ литературен процес в регионален, континентален или световен мащаб. По пътя на широко образование познавач на българо-грѣцките литературни и културни отношения проф. Йордан Иванов днес вървят цяла редица добре подготвени български учени от по-старото и по-младото поколение.

БОЛГАРО-ГРЕЧЕСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФ. ЙОРДАНА ИВАНОВА

ПЕТР ДИНЕКОВ

(Резюме)

Непосредственно после Освобождения Болгарии от османской власти и создания Софийского университета болгарские интеллектуалы ясно сознают, что подготовка специалистов по болгарскому языку, истории и литературе требовало и изучения греческого языка и литературы. Среди этих интеллектуалов особое место занимал Йордан Иванов, который как медиевист, историк древнеболгарской литературы, археолог, палеограф, историк и фольклорист имеет большие заслуги перед болгарской наукой. Обширная область, в которой работал Йордан Иванов, постоянно соприкасалась с болгаро-греческими отношениями от средневековья до нового времени. В своих исследованиях, посвященных произведениям древнеболгарской литературы, Йордан Иванов приводит греческие сопоставле-

⁸ Нова грѣцка статистика. — Мир, № 3861, 19 апр. 1913; Грѣцко свидетелство за българщината в Битолско. — Мир, № 3906, 7 юни 1913; Българите в Македония. С., 1915; Населението в югоизточна Македония (Серско, Драмско и Кавалско). С., 1917; Bulgares et Grecs devant l'opinion publique suisse. Bern, 1918; La région de Cava. Bern, 1918; Les Bulgares et leurs manifestations nationales. Bern, 1919.

ния, ищет связи между болгарскими и греческими текстами. Особое значение имеют оценки, которые он дает болгаро-греческим отношениям, прошедшим сложную эволюцию в ходе многовекового общения этих двух народов.

Раскрывая сильное влияние греческой культуры в Болгарии, он противопоставляется мнению, пришедшему в наследство из эпохи национального пробуждения, что после падения Болгарии под османскую власть константинопольское духовенство проводило политику эллинизации болгар, и приводит примеры общения болгар с произведениями духовной жизни греков. Его работы — пример научной объективности и добросовестного отношения к источникам, даже и в рассмотрении деликатнейших вопросов болгаро-греческих отношений.

LES RELATIONS LITTERAIRES BULGARO-GRECQUES DANS LES ETUDES DU PROF. JORDAN IVANOV

PETĀR DINEKOV

(R é s u m é)

Immédiatement après la Libération de la Bulgarie de la domination ottomane et avec la création de l'Université de Sofia, les intellectuels bulgares ont la conscience claire que la préparation de spécialistes de la langue, de l'histoire et de la littérature bulgares exige la connaissance également de la langue et de la littérature grecques. Parmi ces intellectuels, une place particulière occupe Jordan Ivanov qui a de grands mérites envers la science bulgare comme médiéviste, historien de la littérature bulgare ancienne, archéologue, paléographe, historien et folkloriste. Le vaste domaine dans lequel œuvre Jordan Ivanov touche toujours aux rapports bulgaro-grecs depuis le Moyen âge jusqu'aux temps modernes. Dans ses études sur les œuvres de l'ancienne littérature bulgare, Jordan Ivanov avance les parallèles grecs, cherche les liens entre les textes grecs et bulgares. D'une importance particulière sont les appréciations qu'il fait des rapports bulgaro-grecs, ayant passé à travers l'évolution compliquée pendant la communication séculaire entre les deux peuples.

En révélant la grande influence de la culture grecque en Bulgarie, il s'oppose à l'affirmation, héritée de l'époque du réveil national, qu'avec la chute de la Bulgarie sous domination ottomane, le clergé constantinopolitain mène une politique d'hellénisation des Bulgares et avance des exemples de communion des Bulgares avec des œuvres de la vie spirituelle des Grecs. Ses œuvres sont un exemple d'objectivité scientifique et d'attitude consciencieuse envers les sources même, lors de l'étude des problèmes les plus délicats des rapports bulgaro-grecs.

По това време той се подготвя да премине в България като писар на Дядо Жельо, легендарен войвода. По време на спектакъла той и неговите другари са били между най-възторжените зрители в залата. В същите дни Христо Ботев пише своята поетична изповед на хайдутин бунтовник „На прощаване“ — готов за борба и за смърт.

7. Като извод от работата с архива на Караджале и като резултат от анализа на репертоара му, посветен на революционните борби на победените балкански народи, крайно наложително е да коригираме и оценката за актива на този творец, непреклонен интернационалист. Пътуващата трупа на Йоргу Караджале поема върху себе си нелеката роля да воюва за демократичен театър, да окуражава свободолюбивите и революционни сили в края на 60-те години. С целия си репертоар трупата открито застава на страната на онези, които в чокойско-буржоазното румънско общество са „немили-недраги“ според поетичния образ на Хр. Ботев. Творците на трупата съвсем съзнателно и смело се посвещават да създадат театрален живот за обезправените социални слоеве. Това неизбежно принизява художествените амбиции на театъра, а също и литературното равнище на репертоара (пиесите се пишат за една седмица), което послужва на официалната критика тогава, а после и на културната история да омаловажават ролята на тази дейност или да я оценяват пренебрежително. Но днес ние сме задължени да обгледаме отново актива на тази пътуваща трупа, да видим приноса ѝ в неговата историческа перспектива.

Йоргу Караджале и актьорите му са измежду малцината балкански театрални дейци, които постигат сливане на идейно-художествените търсения между професионалния театър и любителските трупи, като ратуват за взаимното им обогатяване.

Архивът от дейността на Караджале е една от малкото възможности да се изследват процесите в демократичното изкуство. Трупата на Караджале допринася за въвеждане на театралното изкуство в дълбините на социалните пластове. Възпитава там художествен вкус чрез демократични, свободолюбиви обществено-политически идеи, заостря социалната критичност. От плесса създава публика, за която театърът става вече необходимо духовно достойние.

Този трупа осъществява непосредствено културното сътрудничество между балканските народи в епохата на националноосвободителните движения.

БРОДЯЧАЯ ТЕАТРАЛНАЯ ТРУППА ЙОРГУ КАРАДЖАЛЕ И ЕЕ МЕСТО В ЖИЗНИ БОЛГАРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В РУМЫНИИ

НАДЕЖДА ДРАГОВА

(Резюме)

Данная работа написана на основе находящегося в Румынской академии наук архива Йоргу Караджале — выдающегося театрала эпохи Возрождения. Ввиду накопления недоразумений и произвольных гипотез

тез по этому вопросу в румынской и болгарской научных литературах, автор уделяет место для научной критики опубликованных работ. Театральная жизнь этой активной румынской труппы прослеживается только в тех ее проявлениях, которые делают ее трибуной общевосточного революционного подъема 60-х гг. XIX в.

Выводы систематизированы в заключении из семи точек и затрагивают следующие вопросы: уточнение датировки первого спектакля, посвященного битве болгар с османцами у Вырбовки 30 июня 1868 г.; выясняется, что речь идет только об одной пьесе в двух вариантах; доказывается участие Йоргу Караджале в роли Филиппа Тотю; отвергается предположение, что Фани Тардини участвовала в спектакле; устанавливается, что суфлером труппы в то время был не Михай Еминеску, а Йон Лука Караджале; приводятся аргументы в пользу возможности присутствия Христо Ботева на первых спектаклях пьесы; подчеркивается вклад труппы, и ее деятельность рассматривается в исторической перспективе.

Представленные факты и их научный анализ указывают на специфическую и необыкновенно активную форму культурного сотрудничества демократической балканской интеллигенции в Румынии, которая бы осталась неизвестной или мало известной, лишь только по воспоминаниям, если бы не сохранился этот уникальный рукописный архив.

LE GROUPE THEATRAL AMBULANT DE JORGU CARAGEALE DANS LA VIE DE L'EMIGRATION BULGARE EN ROUMANIE

NADEŽDA DRAGOVA

(R é s u m é)

L'étude est édifée sur les archives conservées à l'Académie roumaine des sciences concernant cet éminent homme de théâtre de la Renaissance roumaine. A cause des malentendus existant dans les littératures scientifiques roumaine et bulgare et des hypothèses arbitraires à ce sujet, l'auteur réserve une place à la critique scientifique des publications déjà parues. La vie théâtrale de cette troupe roumaine active est étudiée seulement dans ces manifestations qui l'attestent comme une tribune du soulèvement révolutionnaire balkanique général pendant les années 60 du XIX^e s.

Les déductions sont systématisées dans une conclusion de sept points et se rapportent: à la détermination de la date du premier spectacle consacré au combat des Bulgares avec les Turcs près de Vărbovka du 30 juin 1868; qu'il est question seulement d'une pièce en deux variantes; on prouve la participation de Jorgu Carageale dans le rôle de Filip Totju; on rejette la supposition que Fani Tardini ait participé au spectacle; on établit que le souffleur de la troupe en ce moment n'est pas Mihaj Eminesco mais Jon Lucas Carageale; on prouve par arguments la possibilité que Hristo Botev ait participé aux premiers spectacles de la pièce; on souligne la contribution de la troupe en étudiant son activité en perspective historique.

Les faits énoncés et leur analyse scientifique révèlent une forme spécifique et extraordinairement active de la coopération culturelle entre l'intelligentsia balkanique démocratique qui serait restée inconnue ou peu connue, seulement par des souvenirs, si n'étaient pas conservées ces archives manuscrites uniques.

вища по основните въпроси на развитието на българското общество. В повечето случаи пропагандираните от Кораис идеи привличат, но и плашат със своята безкомпромисност. В други случаи констатираме, че Кораис допада със своите възгледи по отношение на език и образование, но отблъсква с открития си конфликт с Цариградската патриаршия, както и с острата си социална критика. Във всички случаи съприкосновението на българите с идеите на Кораис означавало общуване с един типичен представител на идеологията на Просвещението, което обективно ускорявало, задълбочавало и избистряло процеса на формиране на възгледи, съобразени с принципите на голямото идейно движение — Просвещението. Формиран сам под влияние на идеите на дейците на Просвещението във Франция, Кораис пречупва тези идеи съобразно с условията на развитие на гръцкото общество. От своя страна той изиграва ролята на посредник, чрез който българите влизат в досег с върховете постижения на просвещенските дейци в Европа. Става дума за напълно активно и съзнателно възприемане на някои идейни елементи от българските културни и политически дейци, които проявяват избирателност и способност за трансформиране на възприетите идеи съобразно с нуждите на общественото развитие на българите.

Опитахме се да посочим и някои съществени различия във възгледите на Кораис и схващанията на българските дейци на Просвещението, които се определят от спецификата в историческите условия на развитие на отделните народи. Тези разлики засягат главно отделните становища по отношение на църковния проблем, който добива различни форми при българи и гърци. Проявяват се и в различното отношение на просвещенските дейци на двата народа към историческото минало.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГРЕЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ БОЛГАРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ. АДАМАНДИОС КОРАИС И БОЛГАРЫ

НАДЯ ДАНОВА

(Резюме)

Задача настоящего исследования — раскрыть способы общения носителей идей Просвещения в болгарском обществе с идеями наиболее выдающегося представителя греческого Просвещения — Адамандиоса Кораиса. Анализируются опубликованные и неопубликованные материалы XIX в., и приходится к заключению, что в эпоху формирования идеологии новых социальных сил, сыгравших ведущую роль в период перехода от феодализма к капитализму, работы Кораиса имели большое значение. В этих последних деятели болгарского Просвещения обнаружили модель, помогающую им подойти к ответам на вопросы, порожденные общественно-экономическим развитием болгарской нации — языковой вопрос; вопрос о мировоззрении; вопрос об обновлении образовательной системы; церковный вопрос; вопросы о социальных взаимоотношениях и о политическом будущем нации.

SUR LE PROBLEME DU ROLE DES LUMIERES EN GRECE
DANS LA FORMATION DE L'IDEOLOGIE DES PROMOTEURS
DE LA RENAISSANCE BULGARE. ADAMANDIOS KORAI
ET LES BULGARES

NADJA DANOVA

(Résumé)

L'étude se propose de révéler les formes de communication entre les porteurs des idées des Lumières dans la société bulgare et les idées du représentant le plus éminent des Lumières en Grèce — Adamandios Korais. L'auteur analyse des matériaux édités et non publiés du XIX^e s. et aboutit à la conclusion que pendant l'époque de formation de l'idéologie des nouvelles forces sociales ayant joué un rôle important lors du passage du féodalisme à l'époque bourgeoise, les œuvres de Korais sont d'une importance essentielle. Les militants de la Renaissance bulgare y découvrent un modèle qui les aide dans la formulation des réponses aux problèmes engendrés par le développement socio-économique de la nation bulgare — le problème linguistique, le problème de la conception de la vie des hommes, le problème de la réorganisation du système d'enseignement, le problème ecclésiastique et les problèmes des rapports mutuels sociaux ainsi que de l'avenir politique de la nation.

От направените изследвания става ясно, че балканската и в частност албанската възрожденска интелигенция въпреки своите особености и специфични черти, определени от конкретната историческа обстановка и налагащи корекции в самото определение на интелигенцията или дори нова дефиниция на типа балканска интелигенция, е категория от истински нов тип, която се справя изцяло със задачите на своето време. Така например албанската възрожденска интелигенция със своята неразвита професионална структура, малочислена и относително късно оформила се, в много случаи с недостатъчно образование, съумява в сравнително кратък срок да развие широка и активна политическа, обществена и революционна дейност, да изкове новата албанска национална култура, да създаде албанската националноосвободителна идеология, да се превърне в идеен ръководител на националното движение и да го изведе до победа.

ПРОФЕСИОНАЛНАЯ СТРУКТУРА АЛБАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

БОЙКА СОКОЛОВА

(Резюме)

Предмет данного исследования — это профессиональная структура албанской интеллигенции эпохи Возрождения. Для этой цели используются данные, полученные в результате изучения определенного представительного извлечения, постоянного во всех наших исследованиях, посвященных албанской интеллигенции того периода. Уточняются критерии исследования структуры интеллигенции. В качестве основного критерия принимаются общественные функции интеллигенции в идеологическом обслуживании формирующихся буржуазных отношений, наряду с критериями „полученное образование“ и „упражняемая профессия“. Приходится к выводу, что общественные функции являются основным показателем не только для определения структуры новоалбанской интеллигенции, но и для принадлежности к ней.

В исследовании определяются отдельные профессиональные группы интеллигенции и убедительно доказывается, что границы между ними выражены нечетко и часто расплывчаты. В зависимости от специфических условий развития Албании в эпоху Возрождения, интеллигенция в своей структуре отличается также рядом специфических особенностей. Для албанских условий эпохи Возрождения характерны некоторая неразвитость профессиональной структуры, синкретичность, многозначность и параллельность интеллектуальных занятий. Подчеркивается, что несмотря на особенности своей структуры, возрожденческая интеллигенция Албании имела огромное значение для создания новой национальной культуры. В заключение доказывается, что в эпоху Возрождения интеллигенция обязательно занималась какой-нибудь интеллектуальной деятельностью, а иногда обеспечивала себе средства к существованию совершенно

другим трудом, причем не всегда интеллектуальным. Данный вывод необходимо включить в определение типа албанской или балканской интеллигенции Возрождения, наряду с оговоркой, что получение высшего и даже среднего образования не было обязательным условием для принадлежности к интеллигенции.

LA STRUCTURE PROFESSIONNELLE DE L'INTELLIGENTSIA ALBANAISE DE L'EPOQUE DE LA RENAISSANCE

BOJKA SOKOLOVA

(R é s u m é)

L'objet du présent article est l'étude de la structure professionnelle de l'intelligentsia de la Renaissance albanaise. A cet effet sont utilisées des données dans un cadre représentatif constant dans toutes nos études consacrées à l'intelligentsia albanaise. Sont précisés les critères d'étude de la structure de l'intelligentsia. Comme critère fondamental sont admises les fonctions sociales de l'intelligentsia dans la pratique idéologique des rapports bourgeois en voie de formation à côté des critères „instruction reçue et profession exercée“. On conclut que les fonctions sociales sont l'indice fondamental non seulement pour la détermination de la structure de la nouvelle intelligentsia albanaise, mais aussi d'appartenance à elle.

Dans l'étude sont déterminés les différents groupes professionnels de l'intelligentsia et l'auteur prouve d'une manière persuasive que les limites entre eux ne sont pas clairement exprimées et se perdent souvent. En raison des conditions spécifiques de développement de l'Albanie pendant la Renaissance, l'intelligentsia se distingue aussi par maintes particularités spécifiques dans sa structure. Aux conditions albanaises pendant la Renaissance correspondent un certain état embryonnaire de la structure professionnelle, un syncrétisme, une certaine complexité et un parallélisme des métiers intellectuels. On souligne que malgré les particularités dans sa structure professionnelle, l'intelligentsia de la Renaissance albanaise joue un rôle très important pour la création d'une idéologie de libération nationale et pour l'édification d'une nouvelle culture nationale albanaise. En conclusion, on démontre que pendant la Renaissance l'intelligentsia exerce obligatoirement un métier intellectuel donné, mais peut gagner sa vie d'une toute autre manière qui n'est pas toujours intellectuelle. Il est indispensable d'inclure cette conclusion dans la définition du type intelligentsia de l'époque de la Renaissance albanaise ou balkanique, à la condition que l'obtention d'une instruction supérieure et même secondaire n'est pas une condition obligatoire d'appartenance à l'intelligentsia.

ниците и читалищата, дружествата и театърът на всички южнославянски народи се оказват активно действащи звена в обществено-политическия живот, а някои от тях и в революционната борба. Културните институции със своята дейност не само допринасят за разрастването на национално-освободителните борби и революционизирането на обществото чрез изданията на печатниците и дружествата, чрез легалното прикритие на читалищата, чрез репертоара и силата на въздействие на театъра, но и осигуряват връзката и моралната подкрепа на външния свят към справедливата кауза на поробените южнославянски народи за свобода и независимост. Ненапрасно в почти всички от най-активно действащите южнославянски културни институции участвуват редица видни политически и революционни дейци, като Св. Маркович, Л. Каравелов, Хр. Ботев, Св. Милетич, Г. С. Раковски и др., както и много редови участници в освободителните борби, които дават своя принос при очертаването на техния облик.

С цялостната си дейност и широкия обществен отзвук, който получават, културните институции изиграват изключително важна роля за формиране на националното самосъзнание сред южнославянските народи, за изграждане на техните национални култури и за извоюване на политическата им независимост.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ В РАЗВИТИИ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ИНСТИТУЦИЙ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ВЕСЕЛИНА ДИМОВА

(Резюме)

В сравнительно-историческом и социологическом аспектах в данной работе прослеживаются некоторые общие и специфические черты в развитии культурных институций отдельных южнославянских народов в эпоху становления их национальных культур. В работе, в качестве равноценного компонента, содержатся и материалы о болгарских культурных институциях, что расширяет возможности для типологического исследования общих традиций, специфических особенностей и функций институций в социологической структуре общества.

Конкретно рассматриваются некоторые общие и специфические особенности деятельности культурных институций, связанных с созданием, распространением и сохранением книг — типографий, книжных магазинов и библиотек; культурных институций, связанных с культурно-общественными проявлениями интеллигенции — академий, обществ, домов культуры „читалишта“; а также и культурных институций, связанных с искусством и материальной культурой — театров и музеев. Нисколько не уменьшая значения оригинального вклада и специфических условий протекания культурного и политического развития каждого южнославянского народа в отдельности, на передний план выведены общие черты

в облике и деятельности культурных институций этих народов в эпоху национального возрождения. Такими общими особенностями являются: комплексный характер южнославянских культурных институций на начальном этапе их существования, выраженный в наиболее часто встречаемой модели „институция в институции“; использование внешних культурных центров; ведущая роль национальной интеллигенции как инициатора их создания и главного исполнителя в их деятельности; и особенно характерная для эпохи Возрождения многофункциональность культурных институций, способствующая формированию национального самосознания и установлению тесной связи с национально-освободительным движением.

CERTAINS TRAITS COMMUNS ET CARACTERISTIQUES DANS LE DEVELOPPEMENT DES INSTITUTIONS CULTURELLES DES SLAVES DU SUD PENDANT LA RENAISSANCE

VESELINA DIMOVA

(R é s u m é)

L'article étudie dans un aspect comparatif-historique et sociologique certains traits communs et caractéristiques dans le développement des institutions culturelles des différents peuples slaves du Sud pendant l'époque d'édification de leurs cultures nationales. Comme composante équivalente dans l'exposé sont inclus également les matériaux concernant les institutions culturelles bulgares, ce qui augmente les possibilités pour une étude typologique des traditions communes, des particularités et fonctions spécifiques des institutions dans la structure sociologique de la société.

Sont étudiés concrètement certains des traits communs et distinctifs dans l'activité des institutions culturelles liées à la création, la propagation et la conservation du livre — imprimeries, librairies et bibliothèques, des institutions culturelles, liées aux manifestations socio-culturelles de l'intelligentsia — académies, sociétés, maisons de lecture, et des institutions culturelles, liées à l'art et à la culture matérielle — théâtres et musées. Sans mésestimer les contributions originales et les conditions spécifiques de déroulement du développement culturel et politique de chacun des peuples slaves du Sud, au premier plan dans l'article sont relevés avant tout les traits communs dans le caractère et l'activité des institutions culturelles de ces peuples pendant l'époque de Renaissance nationale. De tels traits communs sont le caractère complexe des institutions culturelles slaves du Sud à l'étape initiale de leur existence, exprimé dans le modèle rencontré le plus souvent de „institution dans l'institution“, l'usage des centres culturels extérieurs, le rôle dirigeant des institutions nationales en tant que initiateur de leur création et exécuteur principal dans leur activité et le caractère multifonctionnel des institutions culturelles, particulièrement caractéristique de l'époque renaissante, contribuant à la formation de la conscience nationale et à l'établissement d'un lien étroit avec les mouvements de libération nationale.

вен, двама Захариевци от Самоков, Георги Пъдарев от Сливен. И така броят на българите — куручешменските възпитаници, по наши изчисления засега възлиза на 43. Ето как се разпределят те по местожителство: единадесет от Котел, девет от Сливен, трима от Самоков, двама от Казанлък, един от Карлово, един от Калофер, двама от Цариград, един от Елена, един от Лозенград, един от Бесарабия, един от Шумен, един от Дупница, един от с. Жеравна, един от Враца и един от с. Арбанаси, а шестима са с неуточно местожителство. При следващи наши изследвания вероятно ще ни се отдаде възможност да уточним сведенията за учениците с неустановено местожителство, както и да посочим още имена на българци, учили в школата.

Ще подчертаем още веднъж, че Гръцката велика народна школа е била едно образцово за времето си учебно заведение както със своята учебна програма, така и със състава на преподавателите в него. В училището учили не само гръцки младежи, но и сърби, българи, власи и др. Елиника тук бил най-обикновен предмет; много по-голямо значение се отдавало на другите — обществени, природни и други науки. Освен това, макар че училището се поддържало от Патриаршията, учениците българи в своето мнозинство се чувствували като българи, имали българско съзнание, като се започне от Георги Раковски, премине се през Иларион Макариополски и се стигне до последния ученик Георги Пъдарев.

С образованието, получено в Гръцката велика народна школа, мнозина млади българи израстват и стават дейни участници в културно-политическия живот на българския народ. Такива са Раковски, С. Доброплодни, Ив. Найденов, Параскева Константинов, Атанас хаджи Добрев, Кръстю Пишурка и други. Завършекът на тяхното образование е тук, в тази школа. Те не продължават повече учението си, не следват в Русия или из Европа, остават с получените знания и с наученото от Гръцката велика народна школа.

В заключение можем да отбележим, че школата има безспорно голяма заслуга за подготовката на български интелегенти, които в разни насоки отдават силите си и придобитите знания за културно-просветното издигане на българския народ и за неговото духовно и политическо освобождение.

БОЛГАРЫ — УЧЕНИКИ ВЕЛИКОЙ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

СТЕФАН ВЕЛИКОВ

(Резюме)

Среди греческих школ 30—40-х гг. XIX в. наибольшим авторитетом пользовалось патриаршеское училище, известное под именем Великая народная школа в Куручешме (на греческом языке — Ксирокрини) — маленький городок на европейском побережье Босфора близ Константинополя, а сегодня находящийся в пределах города.

В греческой Великой народной школе воспитывалось много болгарских юношей, из среды которых вышли руководящие деятели болгарского просветительского и национально-освободительного движения. Среди них были Георгий Раковски, Гаврил Крыстевич, Добри Добрович, Иван Богоров, Савва Доброплодни, Анастас поп Петров Гранитски, Иларион Макариополски. Из указанных данных видно, что в разные годы в школе обучалось 43 болгарские юноши. Именно так в ней была подготовлена часть болгарской интеллигенции и будущих революционеров для активной деятельности на благо народа в эпоху Возрождения, во время Освобождения и в уже освобожденной от османской власти Болгарии.

DES BULGARES — ELEVES A LA GRANDE ECOLE POPULAIRE A CONSTANTINOPLE

STEFAN VELIKOV

(R é s u m é)

Parmi les écoles grecques pendant les années 30 et 40 du XIX^e s. celle qui jouissait d'une grande autorité était l'école patriarcale, connue sous le nom de Grande école populaire à Kuručešme (en grec Ksirokrini) — petite ville sur la côte européenne du Bosphore près de Constantinople, aujourd'hui dans les limites de la ville.

A la Grande école populaire grecque s'instruisent également un grand nombre de jeunes Bulgares qui deviennent par la suite des militants dirigeants du mouvement culturel bulgare et des luttes de libération nationale. Parmi eux sont Georgi Rakovski, Gavril Krăstevič, Dobri Dobrovič, Ivan Bogorov, Sava Dobroplodni, Anastas pop Petrov Granitski, Ilarion Makariopolski et autres. Il appert des données présentées pour le moment que dans l'école, pendant des années différentes étudiaient 43 jeunes Bulgares. Ainsi elle prépare une partie des intellectuels bulgares et de révolutionnaires futurs pour une activité d'utilité nationale pendant la Renaissance bulgare, la Libération et déjà également en Bulgarie libérée de la domination ottomane.

на думата „шкен“ е свързана с присъствието на българи в земите отвъд Дунав²⁷.

Какви са нашите изводи от тези няколко примера?

Езикът на хрониките е бил и продължава да бъде обект на изследвания от страна на специалистите. Изтъквано е например развитието на старобългарския и среднобългарския език с оглед на неговите социални и културно-езикови функции. Но изследванията на културните пластове и ролята на традицията са относително малко или нецялостни. Географската и етническата терминология, както и тази на титулатурата имат голямо значение, защото позволяват да се разкрият други страни от проблема за културното заемстване. Има и имена, които се употребяват традиционно. Но все пак личното отношение и връзката с действителността се появяват на отделни места. Това са страните, които заслужават да се проучат системно — заемстването, реминисценцията и чувството за самосъзнание.

Тъй както българският преводач имал своята литературна и идеологическа атмосфера чрез връзката с византийските оригинали, така чрез българските или другите славянски оригинали хронографията в дунавските княжества придобивала своя собствена характеристика, което говори за тенденция да се създаде нова местна школа.

К ВОПРОСУ О ЛЕТОПИСАНИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ И В ДВУХ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВАХ

ВАСИЛКА ТЫПКОВА-ЗАИМОВА, ПАВЛИНА БОЙЧЕВА

(Резюме)

Приято считать, что при славянских переводах византийских летописей в большинстве случаев основа является болгарской. Можно установить, что болгарский переводчик в принципе оставался верным византийскому оригиналу. Но он все-таки вставляет этнические и географические термины, маргиналии (Хроника Константина Манасси) и др., что говорит о проявлении некоторого национального сознания.

Еще с проникновением болгарских летописей в церковно-культурную жизнь задунайских земель они воспринимались не только как модель, но и как источник для создания новых произведений того же жанра. Развитие летописания в Молдове и Валахии в период XV—XVII вв. указывает на ряд общих особенностей с болгарскими переводными летописями. Составители отдельных летописных сочинений, созданных в двух Дунайских княжествах, никогда не были полностью зависимы от использованных ими сочинений. Так, посредством болгарских или других славянских оригиналов, летописание в Молдове и Валахии приобретает свой собственный облик, что свидетельствует о тенденции создания новой местной школы.

²⁷ Л. Милетич, Д. Агура. Дакорумъните и тяхната славянска писменост. — Сб. НУ, 9, 1893, 270—272; П. Бойчева. Молдовските хроники от XV—XVI в. за българи на Сирет. — In: Studia balcanica, 17, 1983, 39—45.

SUR LE PROBLEME DE LA CHRONOGRAPHIE DANS LA BULGARIE MÉDIEVALE ET DANS LES DEUX PRINCIPAUTES DANUBIENNES

VASILKA TĀPKOVA-ZAĪMOVA, PAVLINA BOJČEVA

(Résumé)

Il est admis que dans les traductions slaves des chroniques d'origine byzantine le fond est généralement bulgare. On peut constater que le traducteur bulgare est fidèle en principe à son original byzantin. Il introduit néanmoins des termes ethniques, géographiques ou des notes marginales (Chronique de Manassès), etc., ce qui prouve qu'il fait preuve petit à petit d'un sentiment de conscience nationale.

La pénétration de ces chroniques dans la vie ecclésiastique et culturelle des territoires transdanubiens mérite aussi d'être suivie dans le cadre du développement général des rapports littéraires balkaniques. Elles étaient admises non seulement comme modèles mais aussi comme sources lors de la création de nouvelles œuvres du même genre. Le développement de ce genre littéraire en Moldavie et en Valachie dans la période du XV^e au XVII^e s. dénote bien des traits analogues avec les chroniques bulgares de traduction. Les auteurs de différentes œuvres apparues dans les deux principautés se laissent influencer normalement par les œuvres qu'ils utilisent. Néanmoins, malgré l'influence des originaux bulgares et autres slaves, la chronographie en Moldavie et en Valachie acquiert une physionomie propre qui témoigne d'une tendance à la création d'une nouvelle école locale.

отглаголни съществителни на *-не* (или *-нѣ*) и отглаголни съществителни на *-ние*. И в дамаскините, както и в съвременния език формите с *-не* (*-нѣ*) се употребяват предимно за изразяване на конкретна процесуалност, а формите с *-нѣ* са с по-абстрактно значение. Ето някои примери от същия паметник: *баидне, знаидне, колѣбане* (на морето), *осѣждане, прѣстъпене, слугуване, идене, прѣпиране, сѣмнуване, чакане*. Споменатата разлика се наблюдава при *баидне* и *обаиднѣ*, *прѣстъпене* и *прѣступленѣ*, *осѣждане* и *осуждение*. В последните два случая народната и книжовната дума имат и различни букви за коренни гласни — *ѣ* в *прѣстъпене* и *осѣждане* и *у* в *прѣступленѣ* и *осуждение*. Думата *осѣждане* е употребена със значение 'съдене, укоряване', а *осуждение* означава 'присъда'. Срв. *защо е осѣждане голѣм грѣх* (с. 9) и *и написа ѿм Евлавіе осужденѣ* (с. 284).

Безспорно е, че през XVII в. е бил извършен забележителен и успешен опит да се създаде книжовен език на народна основа — първият в следкириловата епоха. Без да има огромното значение на старобългарския книжовен език, неговото богатство и неговите широки международни функции, езикът на първите новобългарски паметници от предвъзрожденската епоха може да се сравни с езика на първите старобългарски преводи в няколко отношения:

Демократичните принципи и на двата опита, прогресивни за своето време, да бъдат създадени книги на достъпен за всички слушатели и читатели писмен език;

Заемането и създаването на книжовни думи за нуждите на писмеността;

Спазването на определени езикови и правописни правила и норми при превеждането, преработката или преписването на текстовете¹⁸;

Участие на образовани и филологически подготвени книжовници и при двете дейности по създаването на разбираем за народа книжовен език.

Да създадат разбираем и същевременно издържан в лексикално, граматическо и правописно отношение език за нуждите на тогавашната писменост, просвета и култура — това са две задачи, които са преследвали българските граматисти през XVII в. по примера на своите учители, заветите на които са им били добре познати и свято тачени.

О ЯЗЫКЕ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XV—XVIII вв.

БОРЯНА ВЕЛЧЕВА

(Резюме)

В настоящей работе делается периодизация языка болгарской литературы XV—XVIII вв. Характеризуются и сопоставляются по лексикальным, орфографическим и грамматическим особенностям архаичный и ран-

¹⁸ За отношението на езиковата норма в дамаскините към езиковата норма на книжовния език от епохата на Възраждането вж. повече у Б. Велчева. Норма и традиция..., 11—121; Е. И. Демин а. Место дамаскинов в истории болгарского литературного языка. — Советское славяноведение. М., 1966, № 4, 28—33.

ний новоболгарский язык. Специальное внимание уделяется особенностям языка дамаскинов XVII—XVIII вв., которые определяют переходное место раннего новоболгарского языка между старым болгарским литературным языком XVI в. и литературным языком эпохи Возрождения: этимологической орфографией с Евфимиевско-Ресавскими нормами, традиционной лексикой для абстрактных понятий, сложным словам, отглагольным существительным с *-нѣ*, существительным с суффиксом *-тель* и др. В заключении делается вывод, что в XVII в. совершена успешная попытка создания литературного языка на народной основе — первая в послекирилловскую эпоху, в которой последовательность употребления избранных языковых средств и связь с древнеболгарской и среднеболгарской литературными традициями сочетаются с демократическими и прогрессивными для эпохи филологическими принципами.

SUR LA LANGUE DE LA LITTÉRATURE BULGARE DU XV^e AU XVIII^e S.

BORJANA VELČEVA

(Résumé)

L'auteur étudie les grandes périodes de la langue de la littérature bulgare du XV^e jusqu'au XVIII^e s. Elle fait la caractéristique et confronte d'après des particularités lexicales, orthographiques et grammaticales la langue archaïque bulgare et la première langue bulgare moderne. Une place spéciale est réservée aux particularités de la langue des damaskini du XVII^e et XVIII^e s., qui déterminent la place transitoire de la première langue littéraire bulgare nouvelle entre l'ancienne langue littéraire bulgare jusqu'au XVI^e s. et la langue littéraire de la Renaissance bulgare: l'orthographe étymologique avec des normes d'Euthyme-Resav, lexique traditionnel pour des notions abstraites, mots composés, substantifs verbaux avec *-нѣ*, substantifs avec suffixe *-тель* et autres.

L'auteur conclut que pendant le XVII^e s. a été entreprise une heureuse tentative en vue de la création d'une langue littéraire sur une base nationale — la première après l'époque de Cyrille, dans laquelle la continuité dans l'emploi des moyens linguistiques choisis et le lien avec la tradition littéraire bulgare ancienne et moyenne sont coordonnés avec les principes philologiques démocratiques et progressifs pour l'époque.

К ВОПРОСУ О БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКОВОМ ВЛИЯНИИ НА РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК

ВАСИЛКА АЛЕКСОВА

(Резюме)

На различных этапах своего развития болгарский и румынский литературные языки заимствовали друг от друга необходимые элементы, судьба у которых разная — одни исчезли, а другие прочно залегли в них. Болгарский литературный язык оказал влияние на румынский в основном в период его становления. В первых румынских текстах XVI в. встречаются много болгарских литературных лексикальных единиц. Большая их часть исчезла после XVII—XVIII вв., но некоторое количество слов (прошедшее или нет семантическую эволюцию) осталось и сохранилось и в современном румынском языке. В данной работе прослеживаются история и распространение ограниченного числа болгарских литературных слов в разных вариантах румынского языка.

SUR LE PROBLEME DE L'INFLUENCE LINGUISTIQUE LITTERAIRE BULGARE SUR LA LANGUE ROUMAINE

VASILKA ALEKSOVA

(Résumé)

Dans les différentes étapes de leur développement, la langue littéraire bulgare et roumaine ont emprunté l'une à l'autre les éléments nécessaires qui ont un sort différent — les uns ont disparu tandis que d'autres se sont établis d'une manière durable en elles. La langue littéraire bulgare influe sur la langue roumaine surtout dans la période de sa naissance. On rencontre dans les premiers textes roumains du XVI^e s. un grand nombre d'unités lexicales littéraires bulgares. Une grande partie d'elles disparaissent après le XVII^e—XVIII^e s., mais restent un certain nombre de mots, qui (avec ou sans évolution sémantique) sont conservés également dans la langue roumaine contemporaine. L'auteur étudie l'histoire et la propagation d'un nombre limité de mots littéraires bulgares dans les différentes variantes de la langue roumaine.

онеправданите свободни хора! Вдигнете само чуковете, сърповете, топорите и брънките на веригите си и ще се превърне в пух и прах републиката на „най-добрите“! Отнемете им всички блага и ги заставете да работят, за да ядат!“²⁸ Това са думи на Сократ — Варналис, когото обаче тълпата не иска да слуша. Не е дошло времето за тях. Но те са казани, над тях ще се замислят мнозина; написани са на книга, ще ги прочетат мнозина. Запалена е светлината, която изгаря онези, които се докоснат до нея. Оптимистичното начало никъде не напуска Варналис. Той познава настъпателния ход на историята и вярва в идните дни, вярва в човешкия род, който не е създаден само да гледа към земята; на човешкия род принадлежат и небето, и всички земни блага. Но те могат да се ползват само като се обединят усилията на всички потиснати и онеправдани, когато бъдат смъкнати властващите и господарите и на земята се възцари новият и справедлив ред.

Варналис постепенно узрява за реализма. Но пътят му неминуемо води към осветяване на живота, към неговите тъмни страни и светли перспективи. Борбите и победите на работническата класа, вярата в утрешния ден подхранват страстната убеденост на поета в настъпателния ход на историята. И той вижда мястото на твореца във вярното отразяване на сблъсъка между силите на умиращото общество и класата на трудещите се.

РЕАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ КОСТАСА ВАРНАЛИСА

МАРИН ЖЕЧЕВ

(Резюме)

В данной работе творчество Костаса Варналиса рассматривается как этап в развитии реализма в греческой литературе. Раскрыты роль Октябрьской революции в России 1917 г. и наступившего после первой мировой войны кризиса в идейном формировании автора. Как убежденный марксист, он выдвигает на передний план новые, актуальные проблемы; для его произведений характерна ясная социальная направленность, а образы в них созданы средствами реалистического метода.

Большое место уделяется анализу поэтического наследия Варналиса. В нем раскрываются недостатки современного общества, скрывающиеся за мифологическими образами. Утверждается образ положительного героя в греческой литературе — борца против неправды, за социальную справедливость.

Эти тенденции легли в основу новой традиции в греческой поэзии. И если на известный период революционная литература становится ведущей в Греции, то основная заслуга в этом принадлежит Костасу Варналису.

²⁸ Пак там, с. 85.

LE REALISME DANS L'ŒUVRE DE KOSTAS VARNALIS

MARIN ŽEČEV

(R é s u m é)

L'auteur étudie l'œuvre de Kostas Varnalis comme une étape dans le développement du réalisme dans la littérature grecque. Il relève le rôle de la Révolution d'octobre en Russie de 1917 et la crise intervenue après la Première guerre mondiale dans la formation idéologique de K. Varnalis. Marxiste convaincu, il soumet à l'examen des problèmes nouveaux, actuels, ses œuvres ont une tendance sociale claire, tandis que les images sont édifiées avec les moyens de la méthode réaliste.

Une place importante est réservée à l'analyse de l'héritage poétique de Varnalis. On y dévoile les tares de la société contemporaine, masquées par des figures mythologiques et on consacre l'image du héros positif dans la littérature grecque — le combattant pour la justice sociale contre l'injustice.

Ces tendances sont à la base de la nouvelle tradition dans la poésie grecque. Et si la littérature militante joue un rôle dirigeant pendant une certaine période en Grèce, le principal mérite en revient aussi à Kostas Varnalis.

форми и стилни формации в хърватската литература се изживяват ускорено и не дават същите плодове, както в западните литератури.

Значим белег на хърватската реалистична литература според нас е и нейното ангажиране в решаването на широки социални и политически въпроси. Писателите винаги насочват вниманието си към различни актуални обществени и икономически проблеми. Важно е да се спомене, че по това време творците в Сърбия и България също пресъздават действителността с определена тенденция и произведенията им отговарят напълно на онова, което днес наричаме ангажирано творчество. Очевидно по времето на южнославянския реализъм обществото не е решило много въпроси и литературата му съдействува в това направление. С една дума, именно поради своеобразието на историческата си участ болшинството от южнославянските писатели са деятелни общественици и наставници на народа. Високата им писателска мисия е неотделима от участието им в общественния живот и защитата на народните интереси, от лечението на народните болки.

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗМА В ХОРВАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.

ЛИЛИЯ КИРОВА

(Резюме)

В настоящем исследовании раскрыты изменения в общественной структуре, аграрный кризис, распад сельских задруг, пауперизация крестьян 80-х гг. — процессы, которые отразились на литературную жизнь Хорватии. Показано, как вся политическая ситуация и изменения в социальной системе непосредственно сказались на литературное творчество последних десятилетий XIX в. Творческие задачи писателей подчинялись требованиям общества и национальным интересам. Важен тот факт, что не существовало лишь только „избранных тем“, а каждый момент в жизни, каждая деталь могли быть использованы как литературный мотив. Доказывается, что хорватские реалисты 80-х гг. затрагивали почти все ключевые проблемы социально-политического характера, все коренные изменения в хорватском обществе конца прошлого столетия. Параллельно с этим, в 90-е гг. утверждается и т. наз. направление психологического реализма. Психологический момент является одним из основных исходных моментов в творчестве авторов этого периода.

Рассматривается и вопрос о влиянии русской литературы, которая наряду с другими европейскими литературами способствовала повышению идейного и художественного уровней хорватского словесного искусства.

В работе рассматриваются основные черты реалистического творчества Евгения Кумичича, Ксавера Шандора Джалского, Йосипа Козараца, Анте Ковачича, Венцеслава Новака, Янко Лесковара и Силвие Страхимира Кранчевича, литературная деятельность которых отражала общественные проблемы.

В итоге автор останавливается на некоторых важных моментах, раскрывающих своеобразие литературного процесса в Хорватии в период реализма.

SUR LE PROBLEME DU REALISME DANS LA LITTERATURE CROATE AU XIX^e S.

LILIJA KIROVA

(R é s u m é)

Dans l'étude sont révélés les changements dans la structure sociale, la crise agraire, la désagrégation des corporations paysannes, la paupérisation des paysans pendant les années 80 qui se reflètent sur la vie littéraire en Croatie. L'auteur relève comment la situation politique générale et les changements dans le système social trouvent une expression directe dans l'œuvre littéraire des dernières décennies du siècle. Les écrivains subordonnent leurs tâches créatrices aux besoins de la société et aux intérêts nationaux. Un fait important est qu'il n'existe pas seulement des „thèmes choisis“, mais que chaque moment dans la vie, chaque détail peut être utilisé comme motif littéraire. Il apparaît clairement dans l'article comment les réalistes croates pendant les années 80 abordent presque tous les problèmes-clé de caractère socio-politique, tous les changements radicaux dans la société croate de la fin du siècle. En même temps, pendant les années 90 s'impose également l'ainsi dit „réalisme psychologique“ — étant donné que l'aspect psychologique est un des points de départ fondamentaux des conteurs pendant cette période.

L'auteur aborde également le problème de l'influence de la littérature russe, ayant contribué de pair avec d'autres littératures européennes à l'élévation du niveau idéologique et artistique de l'art verbal croate.

Dans l'étude sont étudiés les traits essentiels de l'œuvre réaliste de Evgenij Kumičić, Ksaver Šandor Džalski, Josip Kozarac, Ante Kovačić, Venceslav Novak, Janko Leskovar et Silvie Strahimir Krančević, qui ont lié la littérature avec les problèmes sociaux.

A la fin, l'auteur s'arrête à certains moments importants dévoilant l'originalité du processus littéraire en Croatie dans la période du réalisme.

новите литературни произведения в оригинал. Като се знае, че в периода между двете световни войни преводите още не са на много високо равнище, нито са многобройни, очевидно е, че пътят на опознаване е главно пряк. Но в нашия случай преките връзки са подсилени от преосмисленото послание на критика, от опосредствувания контакт, който писателите получават с френската литература чрез общуването си с критика и което се наслагва, добавя се към прекия контакт. Идва се до тълкуване в определена посока, до едно по-високо осмисляне на чуждата литература, от която се извлича есенцията, за да стимулира творческия процес

О РОЛИ КРИТИКА В МЕЖЛИТЕРАТУРНОМ ОБЩЕНИИ.

Е. ЛОВИНЕСКУ И РУМЫНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

РУМЯНА СТАНЧЕВА

(Резюме)

В настоящей работе рассматривается пока еще недостаточно исследованный вопрос из области сравнительного литературоведения. Деятельность румынского литературного критика Е. Ловинеску и его теория „синхронизма“, в которой узловые термины „объективизация“ прозы и „субъективизация“ поэзии позволяют изучить путь проникновения французских идей в румынскую литературу 20—30 гг. XX в.

Как знаток французской литературы, Е. Ловинеску не является сторонником лишь одного литературного направления. Несмотря на эволюцию румынской литературы, в ней уже наблюдается процесс проникновения идей экспрессионизма и сюрреализма или индивидуалистического романа. Но Е. Ловинеску, будучи критиком, не считает эти новые авангардные явления определяющими для румынской литературы. Его поддержкой пользовались некоторые из наиболее значительных достижений румынской литературы этого периода, созданных в духе символизма и реализма, на основе накопления национальных традиций. Такими достижениями являются, например, произведения Л. Ребряну, Х. Папалата-Бенджеску, Т. Аргези, Й. Барбу.

Внешние контакты Е. Ловинеску с французской литературой (т. е. те, которые не оказывали прямого воздействия на литературное творчество) превращались во внутренние, благодаря его работе редактора в литературном обществе „Сбурьторул“ и в одноименном журнале. Наряду с этим, существующие связи между румынскими писателями и французской литературой укрепляются теоретическими посланиями румынского критика. В итоге Ловинеску приходит к определенному толкованию, к более глубокому пониманию иностранной литературы, из которой извлекает квинтэссенцию, с целью стимуляции творческого процесса.

LE ROLE DU CRITIQUE DANS LA COMMUNICATION INTERLITTERAIRE. E. LOVINESCO ET LA LITTERATURE ROUMAINE

RUMJANA STANČEVA

(Résumé)

L'auteur aborde un problème insuffisamment étudié de la littérature comparée. L'activité du critique littéraire roumain E. Lovinesco et la théorie créée par lui du „synchronisme“, dans laquelle les termes-clé sont „l'objectivation“ de la prose et „la subjectivation“ de la poésie, permettent de suivre la voie par laquelle on perçoit certaines idées esthétiques françaises dans la littérature roumaine pendant les années 20 et 30 du XX^e s.

Comme connaisseur de la littérature française, E. Lovinesco ne défend pas un seul courant littéraire. Bien que le tableau de la littérature roumaine évolue et en elle pénètrent des idées de l'expressionnisme et du surréalisme ou du roman individualiste, le critique estime que les manifestations de ces nouveaux phénomènes d'avant-garde ne sont pas déterminants pour la littérature roumaine. Il contribue à certaines des plus grandes réalisations de la littérature roumaine pendant cette période qui apparaissent sur la tradition nationale accumulée dans le domaine du symbolisme et du réalisme — les œuvres de L. Rebreanu, H. Papadat-Bengesco, T. Arghezi, I. Barbu.

Les contacts extérieurs de E. Lovinesco avec la littérature française (c'est-à-dire ceux qui n'ont pas influé directement sur la création littéraire) se transforment en contacts intérieurs grâce à son travail rédactionnel dans le cercle „Sburătorul“ et la revue du même nom. Les liens existant indépendamment des écrivains roumains avec la littérature française sont renforcés par le message théorique du critique. On parvient à une interprétation en un sens déterminé, à une interprétation plus profonde de la littérature étrangère dont on extrait l'essence pour stimuler le processus créateur.

ОСМАНСКАЯ КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА (XV—XVIII вв.)

МИХАИЛА СТАЙНОВА

(Р е з ю м е)

В данной работе рассматривается самостоятельность османской архитектуры (со времен ее возникновения), а также развитие этой архитектуры на протяжении исследуемого периода. Выясняется ее связь со строительными и эстетическими традициями других исламских (преимущественно ближневосточных) народов и взаимодействие с архитектурой, находящихся под османской властью народов. Рассматривается значение Румелии и местных строительных школ для создания самобытных творческих концепций в этом искусстве до и после падения Константинополя под османскую власть (1453). Для этой цели исследуются различные памятники культовой архитектуры на Балканах и построенные на территории современной Турции (и в Малой Азии). Прослеживаются изменения, наступившие на различных этапах развития строительной деятельности османских турков, причем подчеркивается роль европейских направлений и стилей, оказавших влияние на взгляды и исполнение творческих замыслов мастеров, строивших в империи культовые здания. Начало этого влияния датируется XVIII в. и по-разному отражается на европейскую Турцию и на другие области, находящиеся под управлением султана. Приводятся параллели между культовыми архитектурными памятниками в Бурсе, Одрине, Амасье, Конье, Токате, Йозгате и др. в городах современной Турции и такими из Стара-Загоры, Пловдива, Ямбола, Шумена, Скопья, Йенидже Вардара, Босны, т. е. на территории современных Болгарии, Греции, Югославии и т. д.

Затрагивается вопрос о столичном (константинопольском) архитектурном искусстве, по сравнению с „провинциальным“ (т. е. в бывших провинциях империи) и выясняется, что исследование последнего началось сравнительно позже.

В заключение подчеркивается, что невозможно рассматривать эти памятники единственно как результат османотурецкой и исламской культуры, не учитывая строительный опыт, многонациональный этнический состав и традиции их создателей. Именно им османская архитектура обязана своими особенностями и разнообразием. Это является заслугой не только представительного столичного искусства, но и искусства в других районах Османской империи, особенно балканского.

ARCHITECTURE CULTUELLE OTTOMANE (XV^e—XVIII^e S.)

MIHAILA STAJNOVA

(R é s u m é)

L'auteur étudie l'indépendance de l'architecture ottomane depuis son apparition, ainsi que son développement pendant la période étudiée. Elle éclaire les problèmes du lien de cette architecture avec les traditions de construction et esthétiques d'autres peuples islamiques (avant tout du Proche-Orient) et l'interaction avec l'architecture des peuples trouvés sur place et soumis aux Ottomans. On étudie l'importance de la Roumélie et des écoles de construction locales pour la formation de conceptions créatrices originales dans cet art avant et après la chute de Constantinople sous domination ottomane (1453), en examinant différents monuments de l'architecture culturelle dans les Balkans et ceux érigés sur le territoire de la Turquie actuelle (et en Asie Mineure). On étudie les changements intervenus dans les différentes étapes du développement de l'activité de construction des Turcs ottomans, en soulignant le rôle des tendances stylistiques européennes qui ont influé sur les conceptions et les exécutions des projets des maîtres maçons qui ont construit des édifices culturels dans l'Empire. Cette influence remonte au XVIII^e s. et se manifeste différemment en Turquie d'Europe et dans les autres régions sous le pouvoir du Sultan. L'auteur fait des parallèles entre édifices architecturaux culturels à Bursa, Andrinople, Amatsia, Konya, Tokat, Yosgad et autres en Turquie actuelle et ceux de Stara Zagora, Plovdiv, Jambol, Šumen, Skoplie, Jenidže, Vardar, Bosna, c'est-à-dire en Bulgarie actuelle, en Grèce, en Yougoslavie, etc.

On aborde également le problème de l'art architectural de la capitale (constantinopolitaine), comparé avec l'art „provincial“, c'est-à-dire dans les anciennes provinces de l'Empire, en soulignant l'étude entreprise relativement tard de ce dernier.

En conclusion, l'auteur souligne qu'il n'est pas possible d'étudier ces monuments uniquement comme résultat de la culture ottomano-turque et islamique sans prendre en considération l'expérience de construction, la composition ethnique multinationale et les traditions de leurs créateurs. Ceci crée la diversité et les particularités de l'architecture ottomane dues sous bien des rapports non seulement à l'art constantinopolitain représentatif, mais aussi à l'art qui a été créé dans d'autres régions de l'Empire ottoman et particulièrement dans les Balkans.

при мевлевиханетата обредът се извършва в центъра и страничните пространства го обикалят от няколко страни.

В плановата схема на османските култови сгради — джамии, текета и тюрбета, централното помещение се явява важен композиционен център. Откъм страната на входа се оформя портик със значително по-малка височина и размери, при което в пространствената схема се налага молитвеният салон, покрит с един или няколко купола или с равен таван. Османските култови сгради в земите на Балканския полуостров имат на места и специфично развитие на плана. Те носят характерните белези на архитектурата на страната, в която настанилите се завоеватели изграждат своя молитвен дом, наред с възприетите по-късно византийски и европейски влияния, подчинени на изискванията на мюсюлманския култ.

Куполът при големите и по-малките джамии, при текетата и тюрбетата се явява най-важният и типичен елемент за пространствената схема, изявил се в общия силует, придаващ специфичен характер на вътрешното пространство. Очертанията на култовите сгради при поглед отвън са меки, линиите естествено преливащи се, а височината на молитвената зала — доминираща, добре пропорционирана, органично включваща се в силуета на централната градска част или на турската махала. Преминал през по-ниската входна аркада или през преддверието, човек неочаквано попада под силното и непосредствено въздействие на значително по-просторната и висока молитвена зала. В дъното на тази ходова линия (при джамиите) се налага молитвената ниша като задънка за погледа.

Във всяка една от разгледаните сгради може да се открие нещо индивидуално — елемент или детайл, незабележими на пръв поглед, и тези специфични особености на конкретния пример обогатяват османската архитектура, бележат нейното развитие в земите на Балканите. С малко изразни средства е постигнато голямо богатство на архитектурния замисъл.

РАЗВИТИЕ ПЛАНОВОЙ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СХЕМЫ ОСМАНСКИХ КУЛЬТОВЫХ ЗДАНИЙ НА БАЛКАНАХ (XV—XIX)

МАРГАРИТА ХАРБОВА

(Р е з ю м е)

Османские культовые здания на территории Балканского полуострова и, в частности мечети, являются важной архитектурной доминантой, определяющей облик селений с османским населением в период XV—XIX вв. Различные плановые и пространственные схемы позволяют составить себе представление о процессе развития османотурецкой культовой архитектуры под влиянием византийской и местной строительных традиций на Балканах, находящихся под османской властью.

В данной работе рассматриваются наиболее ярко выраженные мусульманские культовые здания, сохранившиеся на Балканах до наших дней, которые классифицируются сообразно специфике плановой схемы

и способу покрытия молитвенного зала. Учитываются значение конкретного для каждого поселка топографического и исторического факторов, воздействие существующей строительной традиции исторического периода, предшествующего вторжению османцев. Под влиянием восточной, уже существовавшей, а так же византийской строительных традиций османские турки создают свою самобытную культовую архитектуру.

DEVELOPPEMENT DU SCHEMA PLANIFIE ET SPATIAL DES EDIFICES CULTUELS OTTOMANS DANS LES BALKANS (XV^e—XIX^e s.)

MARGARITA HARBOVA

(R é s u m é)

Les édifices cultuels ottomans dans les territoires de la péninsule Balkanique et plus spécialement les mosquées représentent une dominante architecturale importante en ce qui concerne la silhouette des localités à population turque dans la période XIV^e—XIX^e s. Les différents schémas planifiés et spatiaux des édifices de destination culturelle donnent une idée claire du processus de développement de l'architecture culturelle ottomano-turque sous l'influence de la tradition de construction byzantine et locale dans les territoires des Balkans occupés par les Turcs ottomans.

Dans l'article sont examinés les édifices cultuels musulmans les plus représentatifs, parvenus jusqu'à nos jours dans les territoires des Balkans, classifiés conformément à la spécificité du schéma de plan et la manière de couverture du salon de prière. L'auteur relève l'importance du facteur topographique et historique concret pour chaque localité, l'influence de la tradition de construction existante dans la période historique précédant l'invasion des Turcs. Sous l'influence de la tradition de construction orientale, trouvée sur plan (hérité) et byzantine les Turcs ottomans créent une architecture culturelle originale propre.

SOMMAIRE

P. Dinekov. Les relations littéraires bulgare-grecques dans les études du prof. Jordan Ivanov	12
N. Dragova. Le groupe théâtral ambulante de Jorgu Karageale dans la vie de l'émigration bulgare en Roumanie	40
N. Danova. Sur le problème du rôle de la culture grecque dans la formation de l'idéologie des promoteurs de la Renaissance bulgare Adamandios Korais et les Bulgares	70
B. Sokolova. La structure professionnelle de l'intelligentsia albanaise de l'époque de la Renaissance	94
V. Dimova. Certains traits communs et caractéristiques dans le développement des institutions culturelles des Slaves du Sud pendant la Renaissance.	120
S. Velikov. Des Bulgares — élèves à la Grande école populaire à Constantinople	133
* * *	
V. Tăpkova-Zaïmova, P. Bojčeva. Sur le problème de la chronographie en Bulgarie médiévale et dans les deux Principautés danubiennes	141
B. Velčeva. Sur la langue de la littérature bulgare du XV ^e au XVII ^e s.	151
V. Aleksova. Sur le problème de l'influence linguistique littéraire bulgare sur la langue roumaine.	160
* * *	
M. Žečev. Le réalisme dans l'œuvre de Kostas Varnalis.	183
L. Kirova. Sur le problème du réalisme dans la littérature croate du XIX ^e s.	200
R. Stančeva. Le rôle du critique dans la communication interlittéraire. E. Lovinesco et la littérature roumaine.	233
* * *	
M. Slajnova. Architecture culturelle ottomane (XV ^e —XVIII ^e s.).	253
M. Harbova. Développement du schéma planifié et spatial des édifices culturels ottomans dans les Balkans (XV ^e —XIX ^e s.).	282